

Ю.Л. Косенкова

АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В ТУРКЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Архитектура и градостроительство крупных национально-культурных регионов, входивших в состав Российской империи, до сих пор недостаточно изучены. Если традиционному среднеазиатскому зодчеству на территории Туркестанского генерал-губернаторства (Туркестанского края) уделялось большое внимание, то архитектурно-градостроительная деятельность русских архитекторов, военных и гражданских инженеров в этом регионе оставалась в забвении, а ее материальные следы исчезали. В последние десятилетия интерес к деятельности Российской империи в Туркестанском крае заметно возрос как среди российских и зарубежных историков, так и среди ученых центрально-азиатских государств — бывших советских республик. Вовлекаются в орбиту исследований новые материалы, благодаря чему подходы и оценки, характерные для советского периода, подвергаются переосмыслению. В то же время работа по изучению архитектурно-художественных, функционально-планировочных, строительно-конструктивных, градостроительных и расселенческих аспектов деятельности России в этом регионе по-прежнему ведется недостаточно активно. Немногочисленные современные исследования, как правило, территориально ограничиваются рамками существующих государственных границ независимых центрально-азиатских государств, не совпадающими с административным делением Туркестанского края. Другая наметившаяся тенденция историко-архитектурных исследований — рассматривать архитектурно-градостроительные реалии Туркестанского края не только сдерживающих в рамках современных государственных границ, но и в бесконечно длительной шкале времени, с древнейших времен до XXI в. Все это в конечном итоге приводит к фрагментарности и разрозненности исследований, а зачастую и к поверхностным оценкам тех процессов культурного взаимопроникновения, которые происходили, несмотря на политические противоречия, в архитектуре и градостроительстве этого сложнейшего региона. В статье проводится мысль, что в настоящее время складываются условия для объединения усилий в этом направлении и выработки новых подходов в историко-архитектурных исследованиях Туркестанского края не с идеологических, а с научно-академических позиций.

Ключевые слова: архитектура и градостроительство России XIX – начала XX в., Туркестанское генерал-губернаторство, взаимовлияние европейской и азиатской культур, освоение новых территорий, новые города

Ju.L. Kosenkova

RUSSIAN ARCHITECTURAL AND URBAN PLANNING ACTIVITY IN TURKESTAN (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES): TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM

The architecture and urban planning of the large national regions that were part of the Russian Empire are still insufficiently studied. Much attention was paid to traditional Central Asian architecture of the Turkestan Governor-Generalship (Turkestan Region); on the other hand, the architectural and urban planning activities of Russian architects,

as well as military and civil engineers, in this region remained in oblivion, and its material traces disappeared. In recent decades, interest in the activities of the Russian Empire in the Turkestan Region has increased markedly, both among Russian and foreign historians and among the scientists of the Central Asian states — former Soviet republics. New materials are being brought into the research orbit, so that the approaches and assessments typical for the Soviet period are being rethought. At the same time, the study of architectural and artistic aspects, functional planning, constructional and structural issues, urban planning and settlement activities of the Russian empire in this region is still not actively conducted. Few modern studies, as a rule, are geographically limited to the existing state borders of independent Central Asian states, which do not coincide with the administrative division of the Turkestan Region. Another emerging trend in historical and architectural research is to consider the architectural and urban planning realities of the Turkestan Region not only restraining within the framework of modern state borders, but also in an infinitely long-time scale, from ancient times to the 21st century. All this ultimately leads to fragmentation and inconsistency of research, and often to superficial assessments of the processes of cultural convergence that took place, despite political contradictions, in the architecture and urban planning of this most complex region. The article suggests that conditions are currently developing for combining efforts in this direction and developing new approaches in historical and architectural research of the Turkestan region not from ideological, but from scientific and academic positions.

Keywords: architecture and urban planning of Russia in the 19th – early 20th centuries, Turkestan Governor-Generalship, mutual influence of European and Asian cultures, irrigation of new territories, new cities

История отношений России и Центральной Азии в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. Прошло уже больше тридцати лет с тех пор, как бывшие среднеазиатские республики обрели независимость, и сегодня совершенно очевидно назрела проблема нового осмысления того времени, когда этот регион находился в составе Российской Империи, а затем Советского Союза. Об этом говорит углубляющийся в последние годы сложный многоаспектный дискурс, касающийся взаимной значимости России и Центральной Азии, в который вовлечены широкие круги российских, азиатских, европейских историков. Проводятся научные конференции, исследуются архивы, издаются фундаментальные труды.

На этом фоне работа по изучению архитектурно-градостроительной стороны деятельности России в центральноазиатском регионе во второй половине XIX – начале XX в. представляется совершенно недостаточной, если не вовсе замершей.

Характерно, что даже в фундаментальном труде «Центральная Азия в составе Российской Империи», где подробно и с разных точек зрения описан, казалось бы, широчайший спектр различного рода сложных взаимодействий русского и местного миропонимания, характеристике предметно-пространственной среды посвящен только один небольшой абзац о том, что в жилых домах стали применяться новые материалы и элементы декора (Центральная 2008: 181). Безусловно, это следствие серьезных пробелов в исследовании этого обширного пласта исторических материалов.

Как известно, в дореволюционном Туркестане¹ (рис. 1) благодаря российским ученым сформировалась научная школа изучения и реставрации памятников среднеазиатской архитектуры, многие из которых имеют мировой статус. Традиции этой школы затем были подхвачены и развиты в советский период. Интерес к этому явлению сохраняется среди исследователей, работающих в современных центральноазиатских республиках

¹ Стоит вкратце напомнить, что Туркестанская область была образована в 1865 г. в составе Оренбургского генерал-губернаторства, а в 1867 г. образовалась новая административная единица — Туркестанское генерал-губернаторство (со второй половины 1880-х гг. — Туркестанский край). Формировалось оно сложными путями и лишь к 1898 г. обрело устойчивые границы, включив в себя 5 областей: Сырдарьинскую (Ташкент — столица края, место пребывания генерал-губернатора), Самаркандскую (Самарканд), Ферганскую (Новый Маргелан — Скобелев), Семиреченскую (Верный) и Закаспийскую (Асгабад). Кроме того, на территории генерал-губернаторства располагались относительно независимые, но лишившиеся части своих территорий Бухарский эмират и Хивинское ханство, находившиеся под протекторатом России.

Рис. 1. Азиатская Россия. XVI (II). Туркестанский край. 1913 (Азиатская 1913: 269)

(Мирзоев 1994; Хамидова 2016). На ярком фоне памятников, археологических раскопок древних городов, изучения традиционной жилой среды и других открытий архитектурно-градостроительная деятельность России в Туркестанском крае не вызвала большого интереса советских историков архитектуры, поскольку, во-первых, архитектура второй половины XIX – начала XX в. вообще считалась во многом «упаднической» и не стоящей большого внимания, во-вторых, российская архитектура в Туркестане считалась «колониальной», и ей не следовало уделять много внимания уже с идеологических позиций.

Таким образом, систематическим исследованием архитектурно-градостроительных реалий Туркестанского края практически никто не занимался, а имевшиеся в советский период публикации по понятным причинам отличались краткостью и неопределенностью смыслов. Редкие специальные работы об архитектуре русского Туркестана зачастую были пронизаны отрицательными оценочными суждениями о модерне вообще и его местных проявлениях (Чабров 1960: 221–249). При этом сведения об архитектуре и градостроительстве «новой» части даже столицы всего Туркестана — Ташкента были довольно обрывочными, основное внимание уделялось современному строительству в советских среднеазиатских республиках. В «перестроечные» годы появилась диссертационная работа А.А. Зияева,

где планировке и застройке центра до-революционного Ташкента была посвящена целая глава (Зияев 1984). В этот же период была опубликована монография профессора В.А. Нильсена «У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – начало XX веков)», до сих пор остающаяся наиболее фундаментальным исследованием российской архитектуры и градостроительства, правда, лишь в границах будущей советской республики (Нильсен 1988). На стыке периода «перестройки» и постсоветского периода была подготовлена и защищена диссертация М.А. Юсуповой, посвященная анализу шести «новых городов» Ферганской долины (Юсупова 1993).

В постсоветский период стали появляться научные труды, специально посвященные архитектуре и градостроительству, но, как правило, туркестанский период в них рассматривается в широком хронологическом ряду — от древности до начала XXI в., а материал продолжает изучаться в пределах современных границ той или иной бывшей советской республики (Феоктистова 2011; Прохорова 2013). Определенным исключением являлась работа И.В. Дмитриевой, посвященная характеристике строительной культуры Туркестана рубежа XIX и XX вв. — материалам и конструкциям как основам нового формообразования (Дмитриева 1994).

Представляется, что в настоящее время, когда формируются новые глобальные политические и культурные

процессы, меняются подходы и оценки, открываются достаточно широкие возможности заполнения этой лакуны не столько в политическом и идеологическом, сколько в академическом ключе, изучение именно этого материала способно не только существенно дополнить картину архитектуры и градостроительства России рассматриваемой эпохи, но и достаточно наглядно продемонстрировать происходивший, несмотря ни на какие политические сложности, процесс взаимопроникновения столь непохожих культур.

Современными историками выделяются три основных причины создания Туркестанского генерал-губернаторства — это острая заинтересованность в развитии собственного производства хлопка, прежде всего как сырья для развивающейся российской текстильной промышленности, геополитическое соперничество с Великобританией ввиду ее присутствия в соседнем Афганистане, а также ликвидация постоянных набегов на юго-восточные границы России, процветающей работорговли, жертвами которой нередко становились жители пограничных русских областей, и постоянных междоусобных «разборок» местных владык. О сложнейшей обстановке в регионе свидетельствуют опубликованные документы (*Туркестан* 2016).

Нельзя не сказать вкратце об основных векторах российского управления в Туркестанском крае. Несмотря на то, что у туркестанских властей разных уровней и чиновников в Петербурге были существенные расхождения и даже конфликты в понимании политики управления краем, многолетние затяжки с принятием тех или иных важнейших управленческих документов, все же со временем, как указывают современные исторические исследования, постепенно складывался целый набор специфических приемов, который в дальнейшем позволил бы Туркестану достаточно безболезненно адаптироваться к существованию в едином государстве с Россией. В советский период эта позиция невмешательства туркестанских властей во внутренние бытовые, земельные и правовые отношения местных жителей была расценена как дискриминационная по отношению к окраине империи, но сегодня такой подход рассматривается историками как разумный и взвешенный, позволявший учитывать

большую часть особых черт жизни края, его культуры и ментальности коренного населения (*Котюкова* 2016: 8, 9).

Так, например, известно, что первые руководители Туркестана особыми приказами оберегали местные мусульманские святыни, не препятствовали паломничеству мусульманских верующих (*Литвинов* 2019), призывали собирать древности для научного изучения, составлять описания памятников старины и обеспечивать их охрану. Шло активное изучение края в различных научных направлениях (*Лунин* 1962). В то же время сложные экономические, политические, климатические, расселенческие и другие условия Туркестана были таковы, что модернизационная деятельность России предусматривала далеко не только извлечение прибыли, но и вложение огромных средств в экономическое, техническое, культурное развитие Туркестана (*Волков* 2019: 76). Это дало повод современным историкам определить политику России в Туркестане как «странный колониализм» (*Масов* 2014: 90). Частью современных историков высказывается также мнение, что сумма финансовых, экономических показателей, итоги военных операций и дипломатических переговоров свидетельствуют, что завоевание региона принесло России скорее расходы и усиление внутренней и внешней нестабильности (*Виноградов* 2024: 36–48).

Но каковы бы ни были политические и экономические итоги пребывания Туркестана в составе Российской империи, задача историко-архитектурных исследований не меняется: выявление, накопление и систематизация новых знаний об архитектуре и градостроительстве этого своеобразного региона, их научный анализ, изучение способов сосуществования и взаимовлияния различных культур, и, в конечном итоге, разработка мер по сохранению этого уникального наследия. Безусловно, здесь открывается обширное поле для сотрудничества заинтересованных историков архитектуры из разных стран. Цель этой статьи более скромная: наметить наиболее важные направления в архитектурно-градостроительной деятельности России в Туркестане, которые много лет ожидают углубленного исследования.

Формирование городов. Пожалуй, наиболее распространенное представление о российском градостроитель-

Рис. 2. План старого и нового Ташкента. Начало XX в. (Нильсен 1988: 42)

стве в Туркестане — это формирование «городов-двойников», когда рядом с традиционным «старым городом» возник новый город европейского типа, с регулярной планировкой, чаще всего веером улиц раскрывавшейся в сторону старой части (рис. 2). Но на деле здесь было множество нюансов, например, в Новом Маргелане европейский город расположился на значительном расстоянии от старого (Нильсен 1988: 121), а в Коканде, наоборот, за неимением свободных пространств европейская часть вклинилась в традиционную застройку. Здесь новый город стал образовываться в непосредственной близости от отвоеванной крепости кокандского хана, перестроенной и приспособленной для нужд русской администрации (Нильсен 1988: 111, 112). Другой пример: в Закаспийской области в ареале кочевого населения старинный кибиточный аул Асгабад полностью исчез по мере развития нового одноименного города европейского типа.

Новые города в Туркестане возникали не только по алгоритму «городов-двойников», но и на месте основанных военными фортами с прямоугольной системой улиц, с последующим усложнением планировки и приспособлением к местным условиям, а также, конечно же, в связи со строительством железных дорог. Примерами могут послужить форт, а впоследствии город Перовск, основанный на месте захваченного российскими войсками военного укрепления Кокандского хан-

ства Ак-Мечеть (с 1925 г. — Кызыл-Орда), и один из самых характерных примеров — форт, а затем город Верный (с 1927 г. ставший столицей советского Казахстана, впоследствии Алма-Ата). Несмотря на неблагоприятные природные условия, очень высокую сейсмичность (землетрясения в 9–10 баллов) и постоянную угрозу схода горных грязевых потоков (селей) город продолжал развиваться на том же месте (Шаймарданова 2013: 119, 120). Еще один пример — г. Пишпек (впоследствии столица советской Киргизии Фрунзе), постепенно образовавшийся на месте разрушенной одноименной крепости Кокандского ханства путем слияния сети переселенческих поселков (Муксинов 2005: 11–16). Выявление характерных для всего Туркестана алгоритмов образования и развития новых городов представляет интереснейший фронт работы для историков архитектуры.

Железнодорожное строительство было жизненно важным для Туркестана направлением. Изначально оно задумывалось как оперативная помощь войскам в ходе военных кампаний, но впоследствии быстро развивалось как важнейший торгово-экономический и культурный фактор (Бочкарева 2019: 33–38). В первую очередь началось осуществление Закаспийской железной дороги, которая строилась «очередями» в несколько лет с запада на восток территории края — от порта на Каспийском море Красноводска до Самарканда и уже

в 1890-е гг. до Ферганской долины — основного хлопкосеющего района в те годы.

Нельзя не упомянуть о том, что строительство Закаспийской железной дороги было абсолютно беспрецедентным, поскольку нигде в мире еще не строились железные дороги в условиях песчаной пустыни, это считалось невозможным. Здесь оказывались в равной мере опасными как бурные весенние паводки, размывавшие почву, так и постоянно движущиеся барханы, засыпавшие рельсы, а также отсутствие достаточного количества пресной воды для заправки паровозов и охлаждения рельсов во время их укладки. Огромную роль в осуществлении этого проекта сыграли инженеры-путейцы и главный организатор строительства генерал-лейтенант М.Н. Анненков, выдвинувшие целый ряд абсолютно новаторских инженерных идей (Фурсов 2013: 113–118) (рис. 3).

В конце XIX – начале XX в. была построена также Оренбург-Ташкентская железнодорожная магистраль, связавшая Туркестан и центральную Россию полностью сухопутным путем. Проводились изыскания и разрабатывался проект магистрали, связывавшей Туркестан с Сибирью (Андреева 2010: 27–32). Первая мировая война и революция помешали его осуществлению. Знаменитый Турксиб был осуществлен только в годы первой пятилетки.

Архитектура и планировка крупных железнодорожных станций и быстро растущих вокруг них городов создавали совершенно особую пространственную среду, более четко зонированную и в большей степени обусловленную но-

Рис. 3. Генерал М.Н. Анненков на станции Мерв. На заднем плане фрагмент «водяного поезда». Фото: П. Надар. 1890 (Из Стамбула 1890)

вейшими техническими достижениями, чему способствовала возможность размещения территорий станций на свободных участках. Резервировались площадки для расширения, проектировались элементы благоустройства и озеленения. Применялось типовое проектирование, основанное на санитарных нормативах и стандартизации строительных изделий (Камалова 2006).

Практическое наследие архитекторов и гражданских инженеров, участвовавших в формировании новой предметно-пространственной среды железнодорожных станций, во многом еще не изучено и не осмыслено. Это также предмет дальнейших исследований.

Освоение Голодной степи. Еще одно важнейшее направление, почти совершенно неизведанное с историко-архитектурной, градостроительной, расселенческой точек зрения, связано

Рис. 4. Дворец великого князя Николая Константиновича в Ташкенте. Архитекторы В.С. Генцельман, А.Л. Бенуа. 1890 (Нильсен 1988: 18)

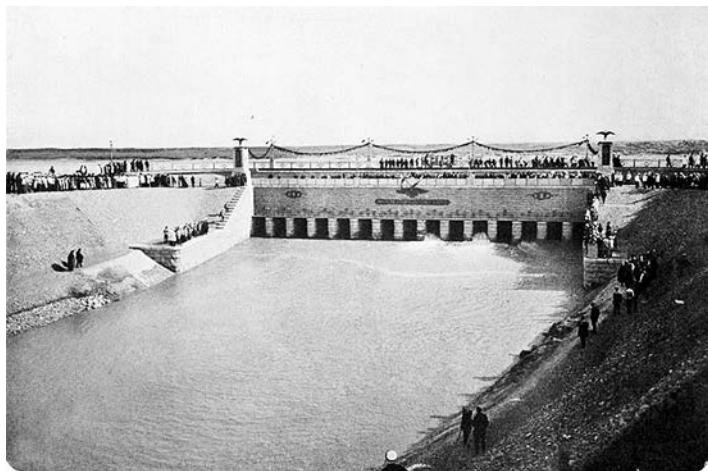

Рис. 5. Церемония открытия Романовского оросительного канала в Голодной степи. 1913. Почтовая открытка (Церемония 1913)

с главным экономическим проектом Российской империи в Туркестане. Это ирригация и освоение туркестанской Голодной степи для того, чтобы получить огромные новые площади под разведение хлопка (Мамаев 2019: 1259–1274). Голодная степь — глинисто-солончаковая пустыня на левобережье Сыр-Дарьи, площадью около 10 тыс. кв. км. Но ее лесовые почвы могли быть очень плодородными при условии орошения. Как известно, пользу на начальных этапах освоения этого района принесла деятельность опального великого князя Николая Константиновича, двоюродного брата Александра III, который пребывал в Туркестане в бессрочной ссылке, не играл никакой ни административной, ни политической роли, но очень много сделал для развития края (рис. 4). На его личные деньги, в частности, был построен первый оросительный канал им. Николая I длиной 84 км и так называемый Искандер-арык, в 1909 г. перешедшие в собственность государства.

Позднее был построен на государственные средства самый крупный оросительный канал — Романовский, длиной 113 км (рис. 5). Вплоть до Первой мировой войны велись подготовительные работы к постройке крупнейшего канала в Ферганской долине, но осуществить его удалось только в 1930-е гг. Тем не менее все это влияло, конечно, на общий ландшафт Туркестанского края, меняло условия расселения и градостроительства, однако этот процесс фактически еще не отслесжен.

Переселенческие поселки. Промышленно-хозяйственное освоение Туркестана, в том числе Голодной степи, было теснейшим образом связано с переселенческим процессом, в основном из малоземельных центральных областей России. Процесс этот проходил трудно, был чреват ошибками администрации, приводившими к конфликтам с местным населением. Чтобы избежать конфликтов, Туркестан даже был достаточно долго закрыт для самовольного переселения, чтобы была возможность отбора наиболее перспективных в экономическом плане семей (рис. 6). Но удержать поток самовольных переселенцев оказалось практически невозможно. По всей территории края возникали многие десятки новых поселков, не только в плановом порядке, но и стихийно, в том числе и на территориях, занятых кочевыми скотоводческими народами. Как соотносилась эта новая система с традиционной системой расселения, в том числе связанного с поливным земледелием, в архитектурно-градостроительном аспекте также пока не исследовано.

Промышленное и гидротехническое строительство. В Туркестанском крае в основном была развита сельскохозяйственная перерабатывающая промышленность: хлопкоочистительная, кожевенная, масложитная, винодельческая, горная, фабрики по разведению шелкопряда и производству шелка. В этом смысле представляет интерес так называемое Мургабское государево имение (на территории современного Туркмени-

Рис. 6. Переселенческий хутор в Надеждинском поселке с группой крестьян. Фото С.М. Прокудин-Горский. 1911 (Переселенческий 1911)

стана) в районе реки Мургаб, основанное в 1887 г. по приказу Александра III. Это было крупное хлопководческое и хлопкоперерабатывающее хозяйство, образцовое для своего времени, соединенное с железнодорожной станцией, а впоследствии городом, Байрам-Али. Здесь были крупные предприятия, имелись опытные хлопковые поля, научная лаборатория, где проводились эксперименты по выведению новых сортов хлопка.

Изучались возможности гидротехнического строительства. Так, первая плотина на реке Мургаб была снесена паводком, а построенное водохранили-

ще быстро обмелело из-за огромного количества ила, оседавшего на его дно. Все эти ошибки были учтены, появились новые плотины и водохранилища, успешно использовавшиеся для орошения. В 1909 г. была введена в эксплуатацию Гиндукушская ГЭС, на момент постройки оказавшаяся самой мощной (1350 кВт) в Российской империи (Симонов 2016: 136, 137) (рис. 7). Станция работает и по сей день, при ней организован музей гидроэнергетики.

Значительная часть имения была занята царским дворцом (рис. 8) и домами управляющего имением, его помощника

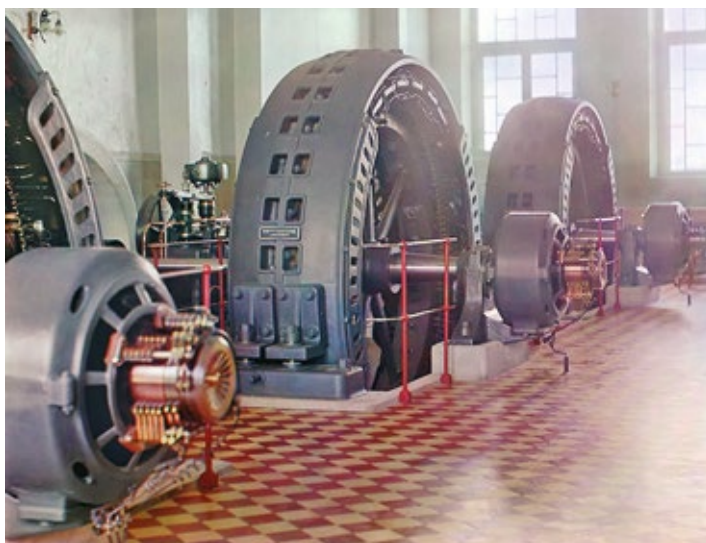

Рис. 7. Внутренний вид электрической станции в Гиндукуше на реке Мургаб. Фото С.М. Прокудин-Горский 1911. Строительство ГЭС 1910–1913 (Внутренний 1911)

Рис. 8. Мургабское государево имение. Дворец. Закаспийская область. 1908 (Котюкова 2016: вклейка 13)

и других служащих². Их окружал роскошный парк со своей системой оросительных каналов, искусственно насаженным лесом и другими парковыми площадками, где проводилась работа по выяснению приживаемости тех или иных видов растений в условиях пустыни. В советское время на этой территории был организован колхоз «Большевик».

Туркестанские сельскохозяйственные и промышленные выставки — еще одна недостаточно исследованная в архитектурно-стилистическом и планировочном аспектах тема, несмотря на обилие сохранившихся фотоматериалов. Эти выставки проходили в основном в Ташкенте, начиная с лета 1870 г. Они играли неоценимую культурную роль, знакомя Россию и зарубежные фирмы с возможностями и достижениями края и образом жизни коренного населения, с одной стороны, а местное население — с передовыми методами ведения хозяйства и техническими новинками, с другой. Отчетливый интерес за рубежом проявился, в частности, к выставке 1890 г. (рис. 9). Так, известный французский фотограф Поль Надар проделал длинный путь через Турцию, чтобы попасть на эту выставку, оставив множество колоритных фотографий. А на выставке 1909 г. посвященной 25-летию Туркестанского сельскохозяйственного общества, где было уже более 150 павильонов, были представлены не только местные промышленники, но и крупнейшие российские и зарубежные фирмы. Выставка имела огромный успех. Позднее сельскохозяйственные и кустарные выставки стали проводить-

ся также в Скобелеве (Новый Маргелан) и Самарканде.

Храмовое строительство в Туркестане в целом почти не затронуто историко-архитектурными исследованиями. Многие храмы были снесены в годы советской власти, но, очевидно, еще возможно их исследование по сохранившимся документам. Как показала строительная практика, деревянные конструкции храмов или их сочетания с каменными конструкциями показали себя в условиях высокой сейсмичности, характерной для многих районов Туркестанского края, как более эффективные, менее поддающиеся разрушению. Отчасти именно поэтому наиболее изученным с историко-архитектурной точки зрения можно назвать кафедральный собор Вознесения Господня в г. Верном, где первоначально располагался центр православной епархии Туркестана (в 1916 г. центр был перенесен в Ташкент). Отобранный в результате конкурса проект собора не был осуществлен из-за сильного землетрясения 1887 г., разрушившего город. Новый проект собора, представленный на рассмотрение архитектором К.А. Борисоглебским в 1899 г., осуществлялся под руководством областного инженера, военного строителя А.П. Зенкова, внесшего в проект существенные изменения (Туманик 2013: 23–38). Из соображений сейсмоустойчивости он заменил кирпичный цоколь на железобетонный, изменил технику рубки деревянных стен собора, применил дополнительные металлические связи конструкции и многое другое. Благодаря впервые примененным

² Имеется упоминание о том, что проекты этих зданий были разработаны известным петербургским архитектором, академиком архитектуры, мастером «кирпичного стиля» В.А. Шрёпером. URL: https://vk.com/wall-140252750_3842?ysclid=lybooihghi590864605 (дата обращения: 07.07.2024).

Рис. 9. Туркестанская промышленная и сельскохозяйственная выставка 1890 г. Башня из тюков хлопка. Кустарный павильон. Фото Поль Надар (Туркестанская 1890)

антисейсмическим конструкциям собор дожил до нашего времени, хотя в 1927 г. был закрыт и возвращен верующим только в 1990-е гг. (рис. 10). При общей высоте в 54 м собор до сих пор считается одной из самых высоких деревянных церквей мира и образцом сейсмостойкого сооружения.

Многие храмы Туркестанского края, если не были снесены в конце 1920-х – начале 1930-х гг., то были закрыты, разграблены, и разделили обычную судьбу многих культовых сооружений: в них размещались склады, клубы, спортзалы, советские учреждения и прочее. Благодаря современным краеведам о них осталась память (Альбом 2011). Сохранились некоторые сви-

детельства об уникальном явлении — некоторые православные храмы Туркестана строились совместно российскими архитекторами и узбекскими мастерами-ганчкорами, специалистами по тончайшему архитектурному декору из алебаstra (ганча). Например, Казанский собор в Коканде, строившийся под руководством архитектора О. Васильева, сочетал традиции русского зодчества XVII в. и декор в восточном стиле. За участие в создании Казанского собора кокандский мастер усто Хуснитдин был награжден серебряной медалью св. Станислава. Узбекскими мастерами были созданы резные ганчевые иконостасы и киоты для Иосифо-Георгиевского и военного Спасо-Преображенского соборов в Ташкенте, соборов Андижана, Намангана, Ферганы, Коканда. Ничего из этого наследия не сохранилось. Сведения о строительстве в Туркестане иноконфессиональных христианских и нехристианских храмов существуют в разрозненном виде и ожидают систематического исследования.

Наконец, большая, сложная и многогранная тема — *взаимовлияние функциональных, художественных и пространственных аспектов архитектуры России и Туркестана*. Трансформация и синтез традиционного местного и привнесенного европейского типов зодчества, послуживших истоками современной архитектуры Узбекистана, анализируются, в частности, в монографии М.А. Юсуповой (Юсупова 2005). Взаимопроникновение это происходило, несмотря на все сложности политических, хозяйственных, культурных и прочих «недоразумений»

Рис. 10. Туркестанский кафедральный собор в г. Верном. Архитекторы К.А. Борисоглебский, А.П. Зенков. 1899 (Туркестанский 1899)

Рис. 11. Дворец эмира Бухарского в Кагане (Новой Бухаре). Архитектор А.Л. Бенуа. 1895–1898 (Дворец 1898)

между коренным населением и новой властью, «пришлыми людьми».

Если говорить о влиянии русской и европейской архитектуры на местные архитектурные традиции, то, пожалуй, нагляднее всего это можно проследить на обширной архитектурной деятельности предпоследнего и последнего эмиров Бухары Абдуллахад-хана и Мирмухамеда Алим-хана (рис. 11). Их многочисленные дворцы, как загородные, вблизи Бухары, так и на крупных российских курортах, например в Ялте, Железноводске и других, представляют собой довольно удивительную смесь европейских и восточных традиций. Эти постройки были наполнены европейскими произведениями искусства и техническими новинками. А доходный дом в Санкт-Петербурге выглядел вполне по-европейски, хотя и отличался нехарактерной для доходных домов роскошью отделки.

Гораздо менее очевидным, на взгляд автора, было влияние местной архитектурно-строительной культуры на архитектуру новых российских городов в Туркестане. В первую очередь оно проявлялось в стремлении приспособиться к особенностям жаркого и засушливого климата, увеличить возможности непосредственного контакта с водой и зеленью. Поэтому на улицы выходили, как правило, скромные одноэтажные фасады жилых домов, а основная жизнь сосредотачивалась, как и в восточном жилище, в глубине дома, с выходом на обширные террасы (айваны) (которые могли служить и летними спальнями), в огороженный приватный сад, снабженный фонтаном или другим водным источником.

Подобная схема могла применяться и в «казенных» постройках. В пример можно привести резиденцию генерал-губернатора в Ташкенте («Белый дом», не сохранился). С внешней стороны это была скромная одноэтажная постройка, об особом статусе которой можно было догадаться только по наличию караула и двух пушек у входа. Но, судя по плану, здание имело развитую в глубину структуру, с несколькими непарадными выходами в сад и к арыку (каналу) Анхор.

В то же время улицы европейских частей туркестанских городов также были снабжены арыками — сетью мелких водных протоков, обложенных обожженным кирпичом, и, как правило, засажены с двух сторон деревьями с густыми кронами, дававшими сплошную тень как на пешеходные, так и на проезжие части. Город в целом выглядел как обширный сад, что не раз отмечалось путешественниками.

Персоналии туркестанских архитекторов и инженеров. Более тщательного изучения и собирания воедино требует и творчество туркестанских архитекторов и гражданских инженеров. Даже о творчестве и биографиях наиболее известных из них, таких как В.С. Гейнцельман, Г.М. Сваричевский, А.Л. Бенуа, Н.Ф. Ульянов, И.А. Маркевич и др., известно далеко не все, а факты не всегда подкреплены документами. Необходимо также пополнение новыми именами списка военных инженеров, топографов, сыгравших большую роль в развитии архитектуры и градостроительства Туркестана.

Представляется, что сейчас настало время восстанавливать утраченные

Рис. 12. Коканд. Дом
Вадьяевых. Архитек-
тор Г.М. Сваричевский.
1907 (Коканд 1907)

некогда профессиональные связи с нашими коллегами в бывших среднеазиатских советских республиках и вместе с ними попытаться взглянуть на такое своеобразное явление, как архитектура и градостроительство Туркестанского края через призму приращения именно академического знания, без прежних отрицательных политических и прочих коннотаций. В какой-то степени изучение этого материала в бывших советских республиках уже идет, но без активного участия российских историков архитектуры. Защищаются диссертации по российской архитектуре в Туркестане, их немного, но они есть. Заключаются договоры с иностранными учеными на параллельное изучение российской и традиционной архитектуры рубежа XIX и XX вв. в Туркестане.

Отношение к «колониальной» архитектуре постепенно меняется. В качестве примера можно привести современный вид особняков Коканда, строившихся в начале XX в., когда Коканд переживал

экономический бум, богатея на хлопке и шелководстве. Они отреставрированы и в прекрасном состоянии, и это сделано не для туристов, там размещаются обычные городские организации (рис. 12).

В заключение хотелось бы заметить, что новое осмысление взаимоотношений России и государств, входивших в состав Туркестанского края и Советского Союза, происходит в настоящее время не только в ходе научных дискуссий, оно имеет и «человеческое измерение». Люди, поколениями жившие в этом регионе, и вынужденные эмигрировать оттуда в 1990-е гг., сохранили не только ностальгические воспоминания, но и свой особый «туркестанский» менталитет, о чем свидетельствуют циркулирующие в интернете многочисленные произведения современного музыкального «городского фольклора». Попытки определить его суть делаются и в художественной литературе, (Рубина 2023) и в филолого-культурологических исследованиях (Шафранская 2010).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Азиатская 1913 — Азиатская Россия. XVI (II). Туркестанский край. 1913. URL: https://runivers.ru/galleries/469819/?IBLOCK_ID=42 (дата обращения: 03.11.2023).
- Альбом 2011 — Альбом: Вечный свет куполов. Старинные храмы Туркестанского края / авт.-сост. Б.А. Голендер. Ташкент: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 2011.
- Андреева 2010 — Андреева Т.И. Формирование концепции железнодорожного сообщения Сибири

- и Туркестана в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета, сер. История. № 1 (9). 2010. С. 27–32.
- Бочкарева 2019 — Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. № 5 (109). 2019. С. 33–38.
- Виноградов 2024 — Виноградов А.Е. Российская империя в Средней Азии:

- причины и последствия // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». № 1 (53). 2024. С. 36–48.
- Внутренний* 1911 — Внутренний вид электрической станции в Гундукуше на реке Мургаб. Фото: Прокудин-Горский С.М. 1911. Строительство ГЭС 1910–1913. URL: <http://www.prokudin-gorskiy.ru/tree.php?ID=291> (дата обращения: 05.04.2024).
- Волков* 2019 — Волков А.П., Попов В.В. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. // Общество: философия, история, культура. № 8 (64). 2019. С. 76–81.
- Дворец* 1898 — Дворец эмира Бухарского в Кагане (Новой Бухаре). Арх. А.Л. Бенуа. 1895–1898. URL: <https://mytashkent.uz/2012/05/27/zagorodnyi-dvorets-emira-buharskogo-v-kagane/> (дата обращения: 09.03.2024).
- Дмитриева* 1994 — Дмитриева И.В. Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии, кон. XIX — нач. XX в. : автореф. дис. ... канд. арх. Ташкент, 1994.
- Зияев* 1984 — Зияев А.А. Этапы формирования и преемственного развития центра г. Ташкента : автореф. дис. ... канд. арх. М., 1984.
- Из Стамбула* 1890 — Из Стамбула в Ташкет. Фотопленки Поля Надара. 1890. URL: <https://foto-history.livejournal.com/4861553.html?ysclid=lyr6oo8giy579615995> (дата обращения: 04.12.2023).
- Камалова* 2006 — Камалова Г.М. Архитектура зданий и сооружений Оренбург-Ташкентской железной дороги конца XIX — начала XX века : автореф. дис. ... канд. арх. Новосибирск, 2006.
- Коканд* 1907 — Коканд. Дом Вадьяевых. Арх. Г.М. Сваричевский. 1907 // Сиротина Д. Коканд: путеводитель по архитектуре модерна. URL: <https://darsik.com/travel/2022/09/kokand/?ysclid=lyrptxhri605149694> (дата обращения: 28.01.2024).
- Котюкова* 2016 — Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016.
- Литвинов* 2019 — Литвинов В.П. Исторический опыт российского государства в организации и регулировании паломничества мусульман Средней Азии (1965–1917) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019.
- Лунин* 1962 — Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX — начало XX века). Ташкент: Издательство АН Узбекской ССР, 1962.
- Мамаев* 2019 — Мамаев А. Имперский проект заселения Голодной степи // Quaestio Rossica. Т. 7. № 4. 2019. С. 1259–1274.
- Масов* 2014 — Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // Россия и мусульманский мир. № 10 (268). 2014. С. 70–92.
- Мирзоев* 1994 — Мирзоев М.А. Становление и развитие дела охраны и изучения памятников истории и культуры в Узбекистане (1917–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1994.
- Муксинов* 2005 — Муксинов Р.М., Грицуняк Т.В. Историко-архитектурные особенности крепости Пишпек // Вестник КРСУ. Т. 5. № 3. 2005. С. 11–16.
- Нильсен* 1988 — Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX — начало XX веков): социальные и культурные предпосылки. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1988.
- Переселенческий* 1911 — Переселенческий хутор в Надеждинском поселке с группой крестьян. Фото Прокудин-Горский С.М. 1911. URL: <http://www.prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=1451> (дата обращения: 04.04.2024).
- Прохорова* 2013 — Прохорова Н.А. История развития архитектуры Кыргызстана (конец XIX в. – начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2013.
- Рубина* 2023 — Рубина Д. На солнечной стороне улицы. М.: Эксмо, 2006.
- Симонов* 2016 — Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики в Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Туманик* 2013 — Туманик А.Г. Об особенностях архитектуры кафедрального собора во имя Вознесения Господня в г. Верном (Алма-Ате) // Вестник ТГАСУ. № 1. 2013. С. 23–38.
- Туркестан* 2016 — Туркестан в имперской политике России: монография в документах / сост. С.Н. Абашин; отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково поле, 2016.
- Туркестанская* 1890 — Туркестанская промышленная и сельскохозяйственная выставка 1890 г. Башня из тю-

- ков хлопка. Кустарный павильон. Фото: Поль Надар. 1890. URL: <https://foto-history.livejournal.com/5310609.html?ysclid=lyscstc4sd802407040> (дата обращения: 14.02.2024).
- Туркестанский 1899 — Туркестанский кафедральный собор в г. Верном. Арх. К.А. Борисоглебский, А.П. Зенков 1899. URL: experience.tripster.ru (дата обращения: 03.04.2024).
- Феокистова 2011 — Феокистова Е.А. Эволюция градостроительной культуры на территории современного Казахстана. (XVIII до н. э. — начало XXI в. н. э.) : автореф. дис. ... канд. арх. Екатеринбург, 2011.
- Фурсов 2013 — Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Возведение и функционирование транскаспийской магистрали в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета, сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. № 15 (158). Вып. 27. С. 113–118.
- Хамидова 2016 — Хамидова М.Х. Освещение истории изучения архитектурных памятников Самарканда в архивных документах (1918–1924) // Документ. Архив. История. Современность : мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. Л.Н. Мазур, отв. ред. Т.В. Соловьева. УРФУ: Екатеринбург, 2016. С. 440–445.
- Центральная 2008 — Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Церемония 1913 — Церемония открытия Романовского оросительного канала в Голодной степи. 1913. Почтовая открытка. URL: https://ridero.ru/books/tashkent_1865_1991_istoriya_v_fotografiyakh/image/5bec56a523034b0700c2737b (дата обращения: 15.01.2024).
- Чабров 1960 — Чабров Г.Н. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана (1865–1916) // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. С. 221–249.
- Шаймарданова 2013 — Шаймарданова З.Д. Город Верный в исторической ретроспективе // Международный научно-исследовательский журнал. Вып. 7 (14). 2013. С. 119–120.
- Шафранская 2010 — Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010.
- Юсупова 1993 — Юсупова М.А. Градостроительство и архитектура новых городов Ферганской долины конца XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. арх. Ташкент, 1993.
- Юсупова 2005 — Юсупова М.А. Полвека трансформации архитектуры Узбекистана. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 2005.

REFERENCES

- Andreeva T.I. Formirovanie kontseptsii zheleznodorozhnogo soobshcheniia Sibiri i Turkestana v kontse XIX — nachale XX v. (Formation of the concept of railway communication between Siberia and Turkestan at the end of the XIX — early XX century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. Istorii (Tomsk state university journal of History)*, no. 1 (9), 2010, pp. 27–32 (in Russian).
- Bochkareva I. B. Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v strategii Rossiiskoi imperii po osvoeniiu Turkestana (Railway construction in the strategy of the Russian Empire for the development of Turkestan). *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkhologiiia (News of the AltSU. Historical sciences and archaeology)*, no. 5 (109), 2019, pp. 33–38 (in Russian).
- Vinogradov A.E. Rossiiskaia imperiia v Srednei Azii: prichiny i posledstviia (The Russian Empire in Central Asia: causes and consequences). *Vestnik MGPU. Serii «Istoricheskie nauki» (MCU Journal of Historical Studies)*, no. 1 (53), 2024, pp. 36–48 (in Russian).
- Volkov A.P., Popov V.V. Razvitie voenno-administrativnogo upravleniia v rossiiskoi Srednei Azii vo vtoroi polovine XIX v. (The development of military administrative management in Russian Central Asia in the second half of the XIX century). *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura (Society: philosophy, history, culture)*, no. 8 (64), 2019, pp. 76–81 (in Russian).
- Kotiukova T.V. Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy (The outskirts in a special position... Turkestan on the eve of the drama).

- Moscow: Nauchno-politicheskaiia kniga Publ., 2016 (in Russian).
- Mamaev A. Imperskii proekt zaseleniia Golodnoi stepi (Imperial settlement project of the Hungry Steppe). *Quaestio Rossica*, vol. 7, no. 4, 2019, pp. 1259–1274 (in Russian).
- Masov R., Dubovitskii V. Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii: sobytiia cherez prizmu trekh vekov (Annexation of Central Asia to Russia: events through the prism of three centuries). *Rossia i musul'manskii mir (Russia and the Moslem World)*, no. 10 (268), 2014, pp. 70–92 (in Russian).
- Muksinov R.M., Gritsuniak T.V. Istoriko-arkhitekturnye osobennosti kreposti Pishpek (Historical and architectural features of the Pishpek fortress). *Vestnik KRSU (Vestnik KRSU)*, vol. 5, no. 3, 2005, pp. 11–16 (in Russian).
- Rubina D. *Na solnechnoi storone ulitsy (On the sunny side of the street)*. Moscow: Jeksmo Publ., 2006 (in Russian).
- Simonov N.S. *Razvitie elektroenergetiki v Rossiiskoi imperii: predystoriia GOELRO (Development of electric power industry in the Russian Empire: prehistory of GOELRO)*. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ., 2016 (in Russian).
- Tumanik A.G. Ob osobennostiakh arkhitektury kafedral'nogo sobora vo imia Vozneseniia Gospodnia v g. Vernom (Alma-Ate) (On the features of the architecture of the Cathedral of the Ascension of the Lord in Vernom (Alma-Ata)). *Vestnik TGASU (Journal of Construction and Architecture)*, no. 1, 2013, pp. 23–38 (in Russian).
- Fursov V.N., Testov V.N. Vozvedenie i funktsionirovanie transkaspiskoi magistrali v 80-kh – nachale 90-kh gg. XIX v. (The construction and functioning of the Trans-Caspian highway in the 80s – early 90s of the XIX century). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, ser.: Istorii. Politologiya. Ekonomika. Informatika (Scientific Bulletin of Belgorod State University. History. Political science. Economy. Computer science)*, vol. 27, no. 15 (158), 2013, pp. 113–118 (in Russian).
- Shaimardanova Z.D. Gorod Vernyi v istoricheskoi retrospektive (The City of Verny in historical retrospect). *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Research Journal)*, issue 7 (14), 2013, pp. 119–120 (in Russian).
- Shafranskaja Je.F. *Shafranskaia E.F. Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture (Tashkent text in Russian culture)*. Moscow: Art Haus media Publ., 2010 (in Russian).
- Iusupova M.A. *Polveka transformatsii arkhitektury Uzbekistana. Konets XIX — nachalo XX v. (Half a century of transformation of architecture in Uzbekistan. Late XIX — early XX century)*. Tashkent, 2005 (in Russian).